

DOI 10.33920/nik-01-2410-03

УДК 82.161.1

Роман А. Зиновьева «Гомо советикус»: к вопросу о модели наррации

A. Zinoviev's novel "Homo Sovieticus": on the issue of the model of narration

© **Ишанова Асима Калимовна,**

Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева

Республика Казахстан, 010008, г. Астана, ул. Сатпаева, д. 2

E-mail: ishanova87@mail.ru

ORCID: 0000-0002-4206-1800

Ishanova A.K.,

Doctor of Philological Sciences, L.N. Gumilyov Eurasian National University

E-mail: ishanova87@mail.ru

© **Пронин Александр Алексеевич,**

Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева

Республика Казахстан, 010008, г. Астана, ул. Сатпаева, д. 2

E-mail: prozin1959@gmail.com

ORCID: 0000-000-8606-2867

Pronin A.A.,

Doctor of Philological Sciences, L.N. Gumilyov Eurasian National University

E-mail: prozin1959@gmail.com

© **Хмара Игорь Владимирович,**

АНО ВО «Русская христианская гуманитарная академия имени Ф.М. Достоевского»

Россия, 191023, г. Санкт-Петербург, наб. р. Фонтанки, д. 15

E-mail: hmig1@mail.ru

ORCID: 0000-0002-8514-9941

Khmara I.V.,

Deputy Dean of the Faculty of Philosophy, Theology and Religious Studies

of the Russian Christian Humanitarian Academy named after F.M. Dostoevsky

E-mail: hmig1@mail.ru

Статья поступила 29.07.2024.

В работе анализируется нарративная структура романа А. Зиновьева «Гомо советикус» в аспекте формирования ритма повествования и «мира истории», презентуемой Я-героем. Выявление способов и приемов презентации событий, выстраивания событийных цепочек, формирующих основные сюжетные линии, позволяет оценить своеобразие и эффективность нарративной стратегии и тактик, используемых автором. Вопрос о формировании «ткани» и ритма повествования рассматривается в контексте актуальной проблемы модели наррации, характерной для авторов-эмигрантов, отражающих в своих произведениях собственный трудный экзистенциальный опыт, в частности, в сопоставлении с романом «Возвращение Будды» Г. Газданова. Полученные в ходе анализа текста результаты позволяют говорить о

формирующей мир истории Я-героя романа «Гомо советикус» «кризисной» модели наррации.

Ключевые слова: Александр Зиновьев, «Гомо советикус», нарратив, модель наррации, автор, герой, Гайто Газданов, «Возвращение Будды».

The paper analyzes the narrative structure of A. Zinoviev's novel "Homo Sovieticus" in the aspect of the formation of the rhythm of the narrative and the "world of history" presented by the I-hero. The identification of methods and techniques for presenting events, building event chains that form the main storylines, allows us to assess the originality and effectiveness of the narrative strategy and tactics used by the author. The question of the formation of the "texture" and the rhythm of the narrative is considered in the context of the actual problem of the "narrative model", characteristic of emigrant authors who reflect their own difficult existential experience in their works, in particular, in comparison with the novel "The Return of the Buddha" by G. Gazdanov. The results obtained during the analysis of the text allow us to talk about the "crisis" narrative model that shapes the world of the story of the hero of the novel "Homo Sovieticus".

Key words: Alexander Zinoviev, Homo sovieticus, narrative, narrative model, author, hero, Gaito Gazdanov, "The Return of the Buddha".

Представление о нарративе как об универсальном способе освоения и передачи опыта, свойственном человеку, сложилось в постклассической нарратологии XXI в., ориентированной на когнитивный подход к любым текстам и подтверждающей концепцию «нарративного знания» Ж.-Ф. Лиотара [1]. Таким образом, в постклассическом понимании нарратива на первый план выдвигаются не только и не столько эстетические, сколько общие для разных типов нарратива глубинные, прототипические характеристики, которые и делают его инструментом познания. Д. Герман определил их так: «(i) структурированный временной ход уникальных событий (в отличие от общих тенденций), который (ii) вводит разрушение или дисбаланс в порождаемую нарративом ментальную модель мира рассказчиков и интерпретаторов, <...> показывая, (iii) каково это — пережить подобное разрушение, то есть, передавая прочувствованное, субъективное понимание (the qualia) реальных или воображаемых сознаний, переживающих разрушительный опыт» [2, с. 24].

Отметим, что последняя характеристика, обозначенная с помощью древнегреческого понятия qualia («каково это, быть как...»), актуализирует для современного исследователя возможность анализа информации о чувствах и мыслях персонажа, о его субъективном опыте в мире истории, им презентуемом. «Мир истории» — термин, который, по мнению Д. Германа, в отличие от классического термина «повествовательный текст» (story), «лучше отражает экологию интерпретации нарратива»: читатели (слушатели, зрители) реконструируют не только порядок событий, но и их пространственно-временной контекст (окружающую среду), данный через определенную перспективу [3, с. 13–14]. То есть «мир истории» — это не столько текст, сколько модель дискурса.

В данном методологическом контексте особенно интересным и перспективным, на наш взгляд, представляется нарративный анализ текстов, во-первых, демонстрирующих явное отступление автора от общепринятых принципов и моделей повествования, во-вторых, отражающих сложный, порой по-настоящему горький экзистенциальный опыт автора. В русской

литературе трагического XX в., главным образом зарубежной ее ветви, множество произведений такого рода, их герои образуют особый тип непоправимо травмированных личностей, «экзистенциальный опыт которых пропитан фатальной безнадежностью — утратой дома, безвозвратным изгнанием, отчаянием» [6, с. 13]. К числу подобных произведений относятся, безусловно, и некоторые сочинения Александра Александровича Зиновьева (1922–2006). Среди обширного литературного наследия этого оригинального автора написанный в эмиграции роман «Гомо советикус» (1982), составляющий вместе с «Зияющими высотами» (1976) и «Глобальным челоуейником» (1997) трилогию «социологических романов», выделяется, на наш взгляд, целым рядом интересных в художественном отношении решений, к числу которых относится и формирование нарративной структуры текста, необычного для русской литературы своего времени.

Прежде всего следует отметить, что основные признаки, характеризующие произведение как нарративное, обнаруживают себя в романе не сразу и не самым очевидным образом: да, определенно наличествует порождающая повествование нарративная инстанция, герой-рассказчик, но событийность — разнородная в содержательном плане — хоть и ориентирована на упорядоченность единым и четко читаемым «структурированным временным ходом», но оказывается прерывистой, дискретной. Происходит это за счет переключения планов повествования с внешнего на внутренний, а также включения в текст множества анарративных элементов: пародийных метанаучных рассуждений, публицистической риторики, сложных ассоциативных конструкций философского характера (здесь нарратор и автор максимально сближаются, порой до неразличимости фокализации). Естественно, все элементы текста подвергаются контекстуальной нарративизации, а следовательно, в восприятии читателя так или иначе вовлекаются в «мир истории» героя, однако означенная мозаичность текста порождает эффект своеобразной *пульсации* повествования, который в своем исследовании романа Г. Газданова «Возвращение Будды» отмечала Е.Н. Проскурина: «Погружение во внутренний план и выходы на поверхность создают пульсирующий ритм всей нарративной ткани романа: сгущаясь, уплотняясь в первом случае и разрежаясь во втором, повествование балансирует как в пространстве, так и во времени» [3, с. 65]. В романе «Гомо советикус», несомненно, совершенно не похожем на роман Газданова, данный эффект не только аналогичным образом проявляется, но и подчеркивается самой структурой текста, разбитого автором на множество главок с повторяющимися названиями, которые, безусловно, облегчают тематическую «навигацию» («Допрос», «Решение судеб», «Разговор с Писателем» и др.), но не поясняют при этом развитие сюжетных линий, — такая фрагментарность очевидно затрудняет восприятие повествовательной ткани романа как единого целого.

Соответственно, все это, вместе взятое, делает погружение читателя в «мир истории», презентуемой нарратором, достаточно сложным, но тем не менее четыре линии повествования выявляются при внимательном чтении «Гомо советикус» достаточно четко: *жизнь героя в Пансионе и смежном с ним эмигрантском пространстве, допросы, герой и его Вдохновитель, загадка Сооружения*. Каждая из них выстроена из событий, в разной степени значимых,

динамичных и по-разному представленных с точки зрения героя-рассказчика, и эти событийные цепочки, ритмично пересекаясь и заслоняя друг друга, образуют пеструю повествовательную ткань произведения. Кроме того, в нее оказываются вплетены и многочисленные микронарративы — рассказанные Я-героем и другими персонажами кому-либо (в том числе и непосредственно читателю) развернутые истории (анекдоты, байки из московской жизни, притчи, сочиненные на ходу «синопсисы» для романов¹). При всей сложности адаптации к такой сложносочиненной «пульсирующей» наррации, на наш взгляд, «Гомо советикус» прочитывается как своеобразная, но тем не менее достаточно интригующая читателя — в особенности советского, которому он был доступен лишь в нелегальных машинописных копиях, — история, прочитанная и пережитая героем.

Как уже было отмечено, первая и развернутая как осевая в романе линия наррации — линия реальной жизни Я-героя, которая образована цепью событий, связанных с функционированием эмигрантской среды, в которой герой оказался, уехав из СССР. Соответственно, в первую очередь речь идет о непосредственной «среде обитания» нарратора, Пансионе: «Я живу в Пансионе, который мне оплачивает какая-то организация. Хотя я занимаю крохотную комнатку без телефона и письменного стола, платит эта организация сумасшедшие деньги...»². Приведенную в цитате информацию о местожительстве героя-рассказчика читатель получает далеко не сразу, а после двух с лишним десятков страниц рассуждений, к реалиям повседневной внешней жизни героя не относящихся. Собственно, начинается роман с представления события (главка «Первый сигнал»), тоже никак не проясненного контекстом, но которое, как выяснится позже, имеет непосредственное отношение к повествованию о жизни героя в Пансионе, — это его ночной кошмар, в котором его «куда-то волокут» («на Суд»), а затем неожиданно и стремительно отпускают, и который является следствием некоей болезни³. Информация о ней, заслоненная сложным контекстом «бредовых» рассуждений героя о задуманном им сочинении (возможно, вызванных тем же болезненным его состоянием), проясняется тоже не сразу, читатель понимает это из содержания последующих конкретных микрособытий в главке «Утро»:

«Первым ко мне заглянул Циник, один из обитателей Пансиона.

— Что с вами? Вызвать врача?

— Не надо, я выкарабкаюсь» [2, с. 29].

Следующими событиями становятся посещения больного героя другими второстепенными персонажами, которые также получают в повествовании соответствующие характеру, как в комедии *dell arte*, имена-маски: это Шутник, затем Энтузиаст, потом Нытик. Все ожидающие своей дальнейшей участи новые эмигранты, обитатели Пансиона, «разделяются на кратковременных и долговременных» по сроку пребывания в нем по меркам героя, и выход на

¹ Подробнее о мотиве сочинительства см. [6, с. 65].

² Здесь и далее цитаты из романа «Гомо советикус» с указанием номера страницы в круглых скобках даны по изд. [2].

³ Здесь, на наш взгляд, очевидна ироническая аллюзия к роману Г. Газданова «Возвращение Будды», где в видениях героя его тоже похищают, допрашивают, обвиняют и привлекают к суду в некоем Центральном Государстве [1].

сцену каждого из них (денежные вопросы, интимная жизнь) или всех вместе (обсуждение политических новостей и т.п.) представляет собой сатирические сценки, поскольку повествование о жизни Пансионера в целом обусловлено выражением авторской идеи социальной деградации, которая, как справедливо отмечает Е.В. Комовская, «пронизывает роман "Гомо советикус"», и поэтому герою-рассказчику «постоянно кажется, что он никуда не выезжал из СССР, а главы, описывающие чудовищную мимирию пансионеров, выявляют деградацию прежних принципов и законов, усвоенных советскими эмигрантами» [5]. Собственно, в том же оценочном ракурсе фокализации Я-герой рассказывает о событиях, происходящих за пределами Пансионера, с участием персонажей, уже прошедших этап «чистилища» и находящихся на более высоких уровнях эмигрантской иерархии: Писателя, Профессора, Дамы с Мужем, Шефа и других.

Примечательно, что индивидуальные истории основных персонажей-пансионеров заканчиваются в типовых главках «Решение судеб» выездом из Пансионера так или иначе:

«Повесился Нытик. Об этом узнали только на третий день, когда из его комнаты потянуло зловонием. Нас попросили помалкивать об этом случае, дабы не портить гармоничную картину эмиграции. Но нас и уговаривать не надо было. Мы сами позабыли о Нытике в тот же день. Как будто его вообще не было» (с. 177).

«Получил работу в маленьком городке на севере Германии Циник. Весь день мы пьянствовали с ним. "Как устроюсь, сразу напишу, — сказал он на прощанье. — Приезжайте ко мне в гости. Денег у меня будет теперь полно. Выьем как следует, по-московски. Поболтаем. Не унывайте! Скоро и ваша судьба решится"» (с. 178).

«Энтузиаст получил "социал-вонунг" — двухкомнатную квартиру за мизерную плату. Теперь он грозит вызвать сюда кучу московских родственников и друзей: КГБ с удовольствием выбросит из страны еще нескольких паразитов, шизиков, пенсионеров и, само собой разумеется, своих агентов. <...> С отъездом Энтузиаста в Пансионе стало тише и еще пустее» (с. 184).

«Художник устроился на временную работу в фирму, производящую елочные украшения. Говорит, главным художником. Явно цену набивает — такой советской должности здесь вообще нет. Они с женой собрали тихонько пожитки и непроданные картины. Уехали не попрощавшись» (с. 192).

«Шутник получил разрешение на жительство в США. "Теперь будет все о'кей, — сказал он на прощанье. — Приезжайте в Штаты. Там устроиться гораздо легче". "Боюсь, что меня отсюда не выпустят", — сказал я. "Кто?" — удивился он. "Они", — сказала я. "Кто Они?" — спросил он. "Не знаю, — сказал я. — Они всегда и везде Они"» (с. 195).

В итоге, за исключением Нытика, все низшие ассы («агенты Советского Союза»), к категории которых причислялись пансионеры, в новую жизнь на Западе так или иначе внедрились, и Я-герой остается один. Он оказывается последним из «своего заезда», ожидающим «решения судеб» как финала истории, динамично развернутой с применением генеральной нарративной стратегии «система персонажей». Финал этот оказывается также неоднозначным: герой не находит общего языка ни с кем из ассов высших ступеней (от

Писателя до Дамы с Мужем, Шефа и других) и, хотя успешно проходит проверку западными «органами» (сюжетная линия «Допрос»), остается в том же, по сути, экзистенциально неустойчивом состоянии: по-прежнему в Пансионе, без каких-либо ясных перспектив, с тревожными вопросами, от которых его мучают бредовые сны: «Явился Вдохновитель. “Ты правильно сыграл свою роль, — сказал он. — Потерпи еще немного, и ты выкарабкаешься. Ты станешь большим человеком. Ты станешь полномочным представителем советской власти в Западной Европе”. “А если Они тоже так рассматривают мою роль? — спросил я. — Что тогда?” Вдохновитель исчез, не ответив». Этот последний импульс внутреннего плана повествования, закончившийся исчезновением Вдохновителя как завершением третьей линии сюжета, постоянно возвращавшей героя в его московское прошлое, затухает, уступая место финальному событию линии Сооружения — разгадке его тайны. Проходя лейтмотивом через весь роман, загадка строящегося здания, которое вначале показалось ему безобразным: «Такую нелепую архитектуру я вижу впервые» (с. 88), потом уже нравилось и интриговало своей загадочностью, в итоге превратилась в мечту героя о несбыточно прекрасном:

«Есть лишь одно светлое пятно на мрачном горизонте моей жизни (я начинаю красиво выразиться, это симптоматично!) — это мое Сооружение. Оно особенно красиво рано утром, когда восходит солнце. Оно становится таким сияюще-радостным, что хочется плакать от восторга. Это, конечно, будет Храм новой, чистой Религии. В нем будет обитать молодой и ликующий Бог» (с. 166).

«Строительство закончено. Теперь я воочию вижу, что такое Абсолютное Совершенство. Но что же будет размещено в этом Волшебном Замке, Храме, Обиталище Бога, Космическом Корабле, Дворце Красоты и Счастья?» (с. 185).

И вот она, долгожданная разгадка:

«Рассвело. Я вспомнил о моем Сооружении и кинулся к окну. Оно сияло в голубом небе такой невиданной красотой, что у меня дух захватило. Но что это? На самом видном месте отчетливо выделялись буквы: БАНК» (с. 210).

Несомненно, читатель, уже давно настроившийся на сатирический, пародийный тон рассказчика, что-то подобное, ироническое ожидал в итоге и получить в виде разгадки. Тем не менее даже в саркастическом духе поданный рассказ о крушении мечты (единственное «светлое пятно»), последней надежды (после бредовой ночи с рассветом герой «кинулся к окну») достигает своей цели: читатель сопереживает драматическому опыту героя-рассказчика, разочаровавшегося в идеалах Запада и не изжившего в себе «гомо советикус», а следовательно, ощущает свойственное художественной наррации состояние *qualia*. Таким образом, даже рассказанная в нарочито эпатажном ключе история таковой и остается, а горечь иронии воспринимается как органическое свойство «мира истории», пережитой нарратором.

Подводя итоги предпринятого нарративного анализа романа А. Зиновьева, мы предлагаем еще раз вспомнить Г. Газданова. В самом начале статьи было высказано предположение о вероятной, на наш взгляд, авторской аллюзии фрагмента с кошмаром в «Гомо советикус» к роману Гайто Газданова «Возвращение Будды», что гипотетически может свидетельствовать о сознательном намерении Зиновьева как бы намекнуть на свою принадлежность к сообществу

русских писателей-эмигрантов. Доказать это за неимением свидетельств о хотя бы знакомстве автора «Гомо советикус» с прозой Газданова невозможно, однако сопоставление двух произведений в контексте анализа данной модели наррации вполне допустимо — при всем различии их как в художественном, так и в идейно-философском отношении. Е.Н. Проскурина, известный исследователь творчества Гайто Газданова, в процитированной уже выше статье приходит к следующему выводу о характерной особенности «пульсирующего» повествования в его романе «Возвращение Будды»: «такая неустойчивая, “кризисная” модель наррации не только отражает бытийную неустойчивость героя “Возвращения Будды”, но становится эмблемой исторического межвременья, в котором оказалась вся российская эмиграция первой волны» [4, с. 65]. Это тонкое и точное наблюдение вполне справедливо, как нам представляется, и по отношению к модели наррации в романе А. Зиновьева — при всем, повторимся, очевидном различии как самих романов, так и создавших их авторов, а также времени и обстоятельств создания. В отличие от ажурной повествовательной ткани газдановского текста, в котором «зашифровано» представление о реинкарнации, «плохой карме» и смерти героя («поездка в Австралию» искусленного читателя не обманет⁴), наррация «Гомо советикус» подобна грубому лоскутному одеялу, где все «шито белыми нитками»; но тем не менее здесь также, как было показано выше, действует эффект «кризисного письма» с его пульсацией внутреннего и внешнего планов повествования, также реализуется «кризисная» модель наррации. Соответственно, определяется данная общность нарративного дискурса актуальной для обоих героев-рассказчиков «бытийной неустроенностью», экзистенциальной утратой дома, смысла существования, характерных, как показывает анализ романа А. Зиновьева, для российской эмиграции не только первой, но и любой другой волны.

Библиографический список

1. *Газданов Г.* Возвращение Будды. — М.: Эксмо, 2006. — 640 с.
2. *Зиновьев А.* Гомо советикус. Государственный жених. — М.: Канон+, РООИ, 2024. — 360 с.
3. *Комовская Е.В.* Композиционная особенность архитектоники романов А.А. Зиновьева // Интеллектология — Зиновьевские чтения. — URL: <https://intellectology.livejournal.com/155080.html> (дата обращения: 08.07.20124).
4. *Кравцов А.Н.* Отъезд в Австралию как погружение в нирвану: к 90-летию литературного дебюта Г. Газданова // Русское зарубежье. — 2016. — № 5.
5. *Лиотар Ж.-Ф.* Состояние постмодерна / Пер. с фр. Н.А. Шматко. — СПб.: Алетейя, 2015. — 160 с.
6. *Пронин А.А., Зиновьева А.М.* Мотив сочинительства в романе А. Зиновьева «Гомо советикус»: динамика развертывания и генерирующий эффект // Вопросы культурологии. — 2024. — № 7.
7. *Проскурина Е.Н.* «Кризисное» письмо в романе Г. Газданова «Возвращение Будды» // Сибирский филологический журнал. — 2009. — № 4.
8. *Султанов К.К.* Между злободневным и трансцендентным. Гайто Газданов: от автобиографизма к метанарративности // Вопросы литературы. — 2022. — № 2. — С. 13–39.

⁴ См. об этом, в частности, исследование А.Н. Кравцова [4].

9. *Herman D.* Description, Narrative and Explanation: Text-type Categories and the Cognitive Foundations of Discourse Competens // *Poetics Today*. — 2008. — № 29 (3).

10. *Herman D.* *Story Logic: Problems and Possibilities of Narrative*. University of Nebraska Press. — 2002.

References

1. *Gazdanov G.* *Vozvrashchenie Buddy*. — М.: Eksmo, 2006. — 640 s.
2. *Zinov'ev A.* Gomo sovetikus. Gosudarstvennyi zhenikh. — М.: Kanon+, ROOI, 2024. — 360 s.
3. *Komovskaya E.V.* Kompozitsionnaya osobennost' arkhitektoniki romanov A.A. Zinov'eva // *Intellektologiya* — Zinov'evskie chteniya. — URL: <https://intellectology.livejournal.com/155080.html>. Data obrashcheniya: 08.07.20124.
4. *Kravtsov A.N.* Ot'ezd v Avstraliyu kak pogruchenie v nirvanu: k 90-letiyu literaturnogo debyueta G. Gazdanova // *Russkoe zarubezh'e*. — 2016. — № 5.
5. *Liotar Zh.-F.* *Sostoyanie postmoderna* / per. s fr. H.A. Shmatko. — SPb.: Aleteiya, 2015. — 160 s.
6. *Pronin A.A., Zinov'eva A.M.* Motiv sochinitel'stva v romane A. Zinov'eva "Gomo sovetikus": dinamika razvertyvaniya i generiruyushchii effekt // *Voprosy kul'turologii*. — 2024. — № 7.
7. *Proskurina E.N.* "Krizisnoe" pis'mo v romane G. Gazdanova "Vozvrashchenie Buddy" // *Sibirskii filologicheskii zhurnal*. — 2009. — № 4.
8. *Sultanov K.K.* Mezhdz zlobodnevnym i transtsendentnym. Gaito Gazdanov: ot avtobiografizma k metanarrativnosti // *Voprosy literatury*. — 2022. — №2. — S. 13–39.
9. *Herman D.* Description, Narrative and Explanation: Text-type Categories and the Cognitive Foundations of Discourse Competens // *Poetics Today*. — 2008. — № 29(3).
10. *Herman D.* *Story Logic: Problems and Possibilities of Narrative*. University of Nebraska Press. — 2002.

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01735, <https://rscf.ru/project/23-28-01735/>; Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского.

Conflict of interests. The authors declare no conflicts of interest.

Financing. The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation № 23-28-01735, <https://rscf.ru/project/23-28-01735/>; F.M. Dostoevsky Russian Christian Academy for Humanities.

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!
ПОДПИСАТЬСЯ НА ЖУРНАЛ «ВОПРОСЫ КУЛЬТУРОЛОГИИ»
МОЖНО С ЛЮБОГО МЕСЯЦА!
ВСЁ О ПОДПИСКЕ — НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ЖУРНАЛА.